

Если на статере из сел. Реке поместилось 5 букв МАХОУ, то здесь удалось вырезать только 4 буквы—АКОУ, причем, совершенно очевидно, что буква К здесь ошибочно поставлена вместо Х, что вполне понятно, поскольку эти буквы и по начертанию и по звуковому своему выражению могут быть легко перепутаны¹. Таким образом, «загадочная» надпись АКОУ является результатом небрежности резчика.

Ответ на поставленный в заголовке данной статьи вопрос «Существовал ли царь «Аху»?, мне кажется, ясен сам собой. Хотя, действительно, этот фрагмент надписи нам и напоминает ряд сходных и близких имен и названий, но базироваться на этих «косвенных аналогиях» и делать заключения о реальности существования такой исторической личности мы не имеем права, поскольку прямое свидетельство единственной монетной надписи недостоверно, так как сама надпись—дефектна.

Замечательный статер из сел. Реке служит прекрасной аналогией для статеров с надписью ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΚΟΥ и с исключительной убедительностью подтверждает правильность гипотезы Д. Г. Капанадзе о близости последних к группе так называемых кавказских, «колхских», подражаний. Но в то же время статер из сел. Реке не способствует доказательству существования царя Ана, а, наоборот, помогает разгадать эту старую «загадку» и отвергнуть гипотезу о существовании царя с таким именем не только в Колхиде, но и где бы то ни было.

Правильная гипотеза Д. Г. Капанадзе о кавказском происхождении статера «Ака» позволяет нам теперь относить время возникновения всей группы кавказских подражаний не ко второй четверти I в. до н. э. (как полагал А. Н. Зограф, сохранявший статеры «Ака», несмотря на свои сомнения, еще в списке боспорских чеканок), а к концу III в. до н. э. и рассматривать статеры «Ака» как самые ранние подражания, чрезвычайно близкие прототипу, но уже имеющие искажения (главным образом в надписях). Таким образом, кавказские подражания пришли не на смену лисимаховским византийским статерам (как считал А. Н. Зограф), а возникли, повидимому, одновременно и развивались параллельно с ними, подобно аналогичному процессу на Боспоре, с той лишь разницей, что боспорские мастера творчески перерабатывали лисимаховский прототип, а кавказские просто копировали его.

Факт находки обоих статеров «Ака» на территории, соответствующей древней Колхиде, сам по себе еще не дает основания считать эти монеты чеканенными в Колхиде. Но параллельность обращения их вместе с лисимаховскими дает нам полное право согласиться с Д. Г. Капанадзе и считать статеры «Ака» (равно как и прочие кавказские подражания, находимые в западной Грузии) чеканенными в Колхиде.

Л. П. Харко

Из истории одного древнеегипетского города

[Ермонт (Армант) в свете последних раскопок]

В двух десятках километров на юго-запад от величественных развалин Фив, на левом берегу Нила сохранились остатки древнего города Ермонта [⊗ ⊗]

или   ; еврейское } י ח ; коптское Ω Ν], частично находящиеся под фундаментами строений современного городка Арманта.

¹ Н. П. Розанова обращает внимание на то, что на парижском статере буква капша имеет более правильное начертание—**К** а на тбилисском та же буква более похожа на хи—**Х**. Эта особенность может служить подтверждением того, что кавказский подражатель копировал имя Лисимаха.

Ермонт был одним из наиболее значительных городов Верхнего Египта. Он просуществовал ряд тысячелетий и временами играл выдающуюся политическую роль. В эпоху Древнего царства, когда Фивы были еще маленьким, мало известным городком, Ермонт имел возможность соперничать с ним. В переходный период от Древнего к Среднему царству в Ермонте пребывает правитель IV нома Иниотеф. Но к концу этого периода преобладание переходит к Фивам, ставшим главным центром южноегипетских номов, а вскоре и столицей всего Египта. Ермонт, естественно, отодвигается на задний план. Он надолго перестает быть административным центром, но сохраняет свое экономическое значение, а также остается священным городом, главным местом культа весьма почитаемого египетскими фараонами бога войны Монтв.

Когда, после многовекового периода процветания и могущества, Фивы стали склоняться к упадку, Ермонт только выиграл от захирения своего соседа. Вскоре после превращения Египта в римскую провинцию он стал административным центром значительного округа, а в коптский период, кроме того, местопребыванием епископа. Значение Ермонта сохраняется и в арабский период (когда он получает свое современное наименование Армант) и только под турецким владычеством он почти совершенно пустеет и оскудевает.

Начиная с 1931 г. вплоть до 1937 г. в окрестностях Арманта и на окраине самого городка проводились систематические раскопки английской археологической экспедицией, которой руководил Оливер Х. Майерс (Oliver H. Myers). Необходимые средства предоставил сэр Роберт Монд, имя которого вследствие этого фигурирует на первом месте в списке руководителей экспедиции. Смерть щедрого патрона привела экспедицию «к неожиданному концу». Лишь с трудом удалось, благодаря субсидии, полученной от лэди Монд, благополучно завершить публикацию открытых памятников. Всего издано четыре объемистых фолианта, выпущенных в два приема. В 1937 г. появились в печати *Cemetries of Armant* (London, The Egypt Exploration Society; в I томе XII+300 стр. текста, во II томе LXXVIII таблиц иллюстраций, планов, чертежей и пр.). В 1940 г. вышло еще два тома под заглавием *Temples of Armant* (XII+223 стр. текста в I томе и CVII таблиц во втором).

Обработка и анализ найденных памятников были проведены весьма тщательно. К этому делу привлечены люди самых различных специальностей: египтологи и коптологи, археологи, зоологи, ботаники, минералогии и т. д.

Древнейшие следы человека в районе Арманта обнаружены на запад от позднейшего города на грани узкой нильской долины и пустыни. В энеолитическую эпоху здесь существовало поселение, часть которого (436 кв. метров) была обследована путем методических раскопок. Также был раскопан целый ряд могил соседнего некрополя.

Если не считать разбросанных в разных местах осколков керамики, характерных для так называемой сахарской культуры¹, зона распространения которой простирается от Египта до Тимбукту, и двух черепков, типичных для тасийской культуры (неолитический период), то древнейшие памятники Арманта относятся к бадарийской стадии (период энеолита, условное сокращенное обозначение, употребляющееся в рассматриваемых публикациях Е. Р. III=Early period III в отличие от тасийской стадии Е. Р. II).

Климат Верхнего Египта в эту эпоху отличался сыростью. Обильные дожди переполняли бурно стремящиеся к Нилу ручьи, от которых остались ныне только высохшие русла («вади»). В наносах, заполнивших одно из таких русел, была найдена бадарийская керамика. Остатки деревьев (сикомор, акаций) были найдены значительно выше уровня, достигаемого водами Нила (в особенности если принять во внимание, что уровень Нила каждую тысячу лет повышался на 1 ярд и, следовательно, в энеолитический период был гораздо ниже теперешнего)².

¹ Археологическая хронология Сахары еще не установлена, и пока имеется мало надежды выявить ее, ибо вследствие эрозии почвы не сохранилось памятников, расположенных слоями. О. Н. Myers предполагает (правда, с оговорками), что сахарская цивилизация является наиболее древней в Нильской долине.

² *Cemetries of Armant*, I, p. 7.

С течением времени климат становился все суше и суше. К концу додинастического периода русла пересыхающих ручьев стали уже заполняться песком, и деревья (засвидетельствованные еще для среднего додинастического периода) постепенно исчезли. Об экономическом развитии додинастического населения в районе Арманта мы можем судить, главным образом, по многочисленным каменным орудиям, найденным в вышеупомянутом поселении. На участке, раскопанном экспедицией¹, удалось установить четко разграниченные три слоя. Обнаруженные предметы находились в том самом положении, в каком они были оставлены обитателями поселения. Никаких следов перемещения, вызванных выветриванием или стоком воды не обнаружено. Все это позволяет проследить во всех деталях развитие верхнеегипетской додинастической техники. Сотрудник экспедиции С. Гусейн (Soliman A. Huzaayin), специально обследовавший каменные орудия, найденные в большом количестве во всех трех слоях, пришел к выводу, что мы имеем тут дело с местной индустрией. Наличие ряда незавершенных, сломанных и обновленных (reworked) орудий доказывает, что они были сделаны туземными мастерами. Материалом служил, главным образом, кремнь, глыбы которого отрывались в отложениях мелового и эоценового периода. Отчасти использовались голыши, подбираемые на террасах². В небольшом количестве обрабатывались другие каменные породы (кварц, гранит, песчаник, известняк), также местного происхождения. Только в одном случае может идти речь об использовании материала, доставленного из другой местности. Единственный экземпляр полированного топора был изготовлен из альбита—порфирита, вероятно, добытого в пустыне на северо-восток или на юго-восток от Арманта³.

Хронологически все найденные орудия относятся к раннединастическому и среднединастическому периодам, то есть уже ко времени зрелого энеолита⁴.

Большое количество орудий, необычайно напоминающих палеолитические (например, метательные камни, скребки и особенно резцы, не говоря уже об аморфных орудиях) ни в коем случае не должны нас заставить передвинуть датировку поселения назад. Они находятся в тесном соседстве с орудиями гораздо более совершенного типа, не имеющими ничего общего с палеолитом⁵.

Так же точно, как хронологические рамки, устанавливаются и локальные особенности. Армантские каменные орудия находят себе аналогию в Наг-Хаммади (около 100 км вниз по течению Нила) и в оазисе Харге, но отличаются весьма значительно от более северных изделий, начиная от найденных в Хеммамие. Таким образом можно выделить южную область, развивавшую свою собственную каменную индустрию, независимо от среднего и северного Египта⁶. Это наблюдение Гуссейна имеет огромную ценность для решения вопроса об экономических и политических взаимоотношениях Верхнего и Нижнего Египта в додинастические времена, хотя сам автор проявляет большую осторожность и, в частности, считает преждевременным говорить об этнических различиях.

К концу додинастического периода, по наблюдениям Гуссейна, на юге Египта усилилось северное влияние и появился «более гомогенный, вернее менее гетерогенный культурный комплекс»⁷.

На основании анализа каменных орудий Арманта Гуссейн делает удачную попытку выявить перемены, происходившие в хозяйственной жизни додинастических обитателей Верхнего Египта. Он указывает на важное обстоятельство, что наконечники стрел встречаются только в нижнем и среднем слоях, а в верхнем совершенно отсутствуют.

¹ На другом участке, обозначенном номером 1100, почва оказалась перерытой, и слоев установить не удалось.

² Cemeteries of Armant, I, p. 200—201 и 226—228.

³ ib., p. 206

⁴ ib., p. 229

⁵ ib., p. 226

⁶ На юге отсутствуют характерные для севера клинки в форме рыбьего хвоста, наконечники булав и пр. (ib., p. 230).

⁷ Cemeteries of Armant, I, p. 231.

Они все более заменяются грубыми наконечниками копий, напоминающими палеолитические образцы. Повидимому, происходит вырождение охотничьего оружия¹. Наоборот, типичные земледельческие орудия—серпы преобладают в верхнем слое (не только в количественном отношении, но и по разнообразию типов)². В том же слое найден фрагмент ручной мельницы и 10 молотов, которые, возможно, служили для раздавливания зерна перед помолом. Может быть, к этой группе земледельческих орудий следует отнести и своеобразные пестики из кварца, которые могли применяться для растирания зерна, хотя не исключена возможность, что они служили гладилами для лощения посуды или точильными камнями³. Во всяком случае характерно, что все эти орудия, которые можно предположительно отнести к числу земледельческих, встречаются почти исключительно в верхнем слое. По всем данным, земледелие в Верхнем Египте в ранний и средний додинастический период приобретало все больше и больше значения по сравнению с охотой, отступавшей на задний план.

Если эта гипотеза Гуссейна подтвердится, то можно будет сделать широкие выводы для экономической истории древнейшего Египта. Окажется, что здесь земледелие позже стало основным занятием, чем на севере страны, где еще в неолитический период земледелие играло большую роль, чем охота (судя по раскопкам в Меримде-Бенисаламе). В связи с этим интересно отметить одно обстоятельство. Кости свиней были обнаружены только в двух верхних слоях поселения. Очевидно, свиноводство стало развиваться на юге Египта с некоторым опозданием по сравнению с Дельтой, где оно еще в неолитический период играло большую роль⁴. А надо помнить, что разведение свиней особенно удобно в условиях оседлого земледельческого быта.

Что касается костей крупного рогатого скота, то они были найдены во всех трех слоях. Вероятно, это был основной вид домашних животных. Гораздо меньше обнаружено костей овцы. Из остатков диких животных зафиксированы только крокодил (в нижнем слое) и черепаха (в нижнем и среднем слоях). Наконец, найден единственный фрагмент рыбы⁵. Таким образом, и костные остатки свидетельствуют о том, что охота и рыболовство постепенно отступают на задний план.

Остатков культурных растений в поселении не сохранилось, но зато в соседнем некрополе найдено довольно много колосковых чешуек, главным образом эммера (могилы 1209, 1471, 1473, 1486, 1514, 1566, 1577, 1591) и в гораздо меньшем количестве ячменя (в двух могилах)⁶.

Мы видели, что в додинастический период Верхний Египет изобилует лесами. Поэтому не следует удивляться большому количеству каменных топоров и тесел, найденных в поселении. Они служили для рубки и обработки деревьев, а возможно также и в качестве боевого оружия вместо булав, распространенных севернее. Из сотни с лишним экземпляров этого оружия только один является шлифованным, что вполне согласуется с упадком техники шлифовки, столь широко распространенной на более ранней (неолитической) стадии⁷.

В раскопанной части поселения не было найдено металлических предметов, но это отнюдь не означает, что его обитатели были незнакомы с обработкой металлов. В погребениях соседнего некрополя, относящихся к додинастическому периоду, были обнаружены 2 медных браслета и железное кольцо. Повидимому, медь употреблялась также и для изготовления орудий. По крайней мере, для протодинастического периода это можно доказать вполне определенно. Гробница этого времени (№ 1207) была высечена в твердом грунте (глиноземе) с помощью медных орудий, что можно установить по кор-

¹ ib., p. 222. ср. p. 219.

² ib., p. 217—219.

³ ib., p. 225.

⁴ *Cemetries of Armant*, I, p. 255.

⁵ ib., p. 254—255.

⁶ ib., p. 137—138.

⁷ ib., p. 205—207. Вряд ли эти орудия служили мотыгами. Технологический анализ не обнаружил на них лоска, приобретенного от ссыркосновения с почвой, содержащей кремнезем.

розии на ее стенах. Там же были найдены модели медных орудий (от 3 до 7 см длины, такие малые размеры доказывают, что они не были реальными инструментами строителя).

Наконец, от того же раннединастического периода сохранился своеобразный уникум—запастье из л а т у н и, в гробнице II или III династии. Эта находка позволяет поставить вопрос о сношениях Египта с Закавказьем (хотя бы через вторые и третьи руки) в эти отдаленные времена, ибо медно-цинковая руда добывалась только в Грузии и прилегающих к ней кавказских местностях.

Итак, металлы в додинастическом и раннединастическом Арманте еще только начинали входить в употребление и не были еще в состоянии вытеснить камень, как основной материал.

Большого развития достигло в архаическом Арманте керамическое производство. Особенно много сосудов было найдено в некрополе. Некоторые покрыты росписью, имитирующей цвета различных горных пород. Таким образом, можно наблюдать интересное явление—замену дорогих каменных сосудов (которые также встречаются во многих гробницах), более дешевыми керамическими, изготовленными по их образцу.

О. Н. Muers обращается по этому поводу к читателям с пространными рассуждениями на тему об ожесточенной конкуренции в столкновениях между двумя классами рабочих и о безработице, возникшей среди мастеров, обрабатывающих камень¹ о втягивании безработных в новую индустриальную сферу и т. д. Все эти рассуждения весьма показательны для современной науки в капиталистических странах. Они свидетельствуют, что даже лучшие буржуазные археологи становятся беспомощными, когда они пытаются перейти к широкому обобщению и реконструировать социальные отношения в глубокой древности. У Мейерса получается, что на заре египетской истории уже сложилась обстановка, напоминающая современный капиталистический мир.

Что касается содержимого сосудов, положенных в могилы, то удалось установить наличие остатков хлеба, плетенки, малахита, осадков какого-то напитка (возможно, пива), угля, пепла и т. д. Весьма многочисленны найденные в большинстве гробниц бусы. Естественно, что подавляющее большинство бус, найденных в додинастическом армантском некрополе, было изготовлено из каменных пород, добываемых в соседней пустыне (агата, сардоника, халцедона, корнелиана, граната, кварца, плавленого шпата и более мягких пород, например стеатита, серпентина). Техника изготовления каменных бус прослежена Мейерсом во всех деталях. Он установил, что данная отрасль художественной промышленности очень рано достигла высокого совершенства². Показательны в этом отношении фаянсовые бусы, отлитые в специальных формочках. Две золотые бусины (тонкой ювелирной работы) относятся уже к более позднему времени (Древнему царству)³.

Что касается этнической принадлежности додинастического населения Арманта, то оно ни в коем случае не было однородным. При измерении черепов установлены различные варианты. Один череп был определен как авиатский, и О. Н. Muers выдвигает достаточно произвольную гипотезу о приезде издалека купца, умершем в Египте⁴.

К концу додинастического периода поселение, расположенное на запад от нынешнего Арманта, как мы видели, запустело, хотя соседний некрополь продолжал еще использоваться (некоторое количество могил относится к раннединастическому периоду и даже к более поздним временам). Очевидно, произошла какая-то передвижка населения ближе к берегу Нила, где возник город Ермонт. Время основания его установить трудно. Древнейшее здание, от которого сохранились следы, относится ко времени первых династий («протодинастический храм»)⁵.

¹ Cemeteries of Armant, I, p. 50—51.

² ib., I, p. 73.

³ ib., p. 79.

⁴ ib., p. 2.

⁵ Temples of Armant, I, p. 4—2.

К сожалению, до сих пор обнаружено мало памятников Древнего царства и переходного периода от Древнего к Среднему царству.

Весьма показательны находки в шурфах, заложённых английской экспедицией в районе развалин армантских храмов (так называемые «зондажи»). Здесь обнаружен ряд кремневых орудий, относимых С. А. Гуссейном ко времени Древнего и Среднего царств. Найденные образцы напоминают аналогичные орудия из известного нам додинастического поселения. Но в то же время бросается в глаза упадок производства кремневых орудий. Многие типы совершенно исчезают (наконечники стрел, скребки, топоры, буравы), другие типы грубеют и вырождаются (клинки из кремня). Часто встречаются кремневые серпы, более позднего типа, чем в поселении (без зазубрин). Назначение их безошибочно определяется наличием гланца, возникающего в результате соприкосновения со стеблями злаков¹.

Таким образом, мы сталкиваемся с поразительным фактом. В эпоху расцвета египетской цивилизации бытуют еще некоторые орудия каменного века (иногда даже грубой палеолитической формы). Это лишний раз свидетельствует о медленности развития египетской экономики и сохранении остатков глубокой старины наряду с новыми техническими приемами.

Ряд косвенных данных свидетельствует о том, что Ермонт уже в эпоху Древнего царства был значительным центром. Само название города—Иуну, то есть—«священный столб» указывает на наличие здесь храма. Позднее (в эпоху Среднего царства) к этому названию было прибавлено обозначение «шема» («южный») в отличие от «северного» Иуну—крупнейшего религиозного центра Египта, Гелиополя. Местным богом—покровителем Ермонта—считался Монт, культ которого был распространен в других городах IV нома: Фивах, Тоде (Джерт), Медамуде (Маду). В этом отношении весьма показательны титулы Монта «господин Фив, бык Ермонта, который выходит из Тода», «господин Ермонта, бык, который в Медамуде», «господин Фив, который в Ермонте». Из этих эпитетов видно, что Фивы находились долгое время под влиянием Ермонта, и бог-покровитель этого города был верховным богом всего нома². Безусловно, эта роль города как религиозного центра была тесно связана с упомянутым выше его положением как административного центра нома. Более подробные сведения об этом мы получим, когда будут обнаружены древнейшие храмы Ермонта, расположенные под могилами старого мусульманского кладбища.

Пока единственной надписью до начала XI дин., найденной *in situ*, является фрагментированный картуш Хафры³, и лишь на основании позднейших пережитков и документов, обнаруженных в других местах, мы можем судить о том, что когда-то Ермонт имел преобладание над Фивами и даже (как предполагает Мейерс) был первоначальной резиденцией XI династии. Но даже после перенесения столицы нома, а затем и всей страны в Фивы, Ермонт, хотя и был отодвинут на задний план, все-таки продолжал пользоваться вниманием многих фараонов. Ментухотеп V (XI дин.), Аменемхет I, Сенусерт I и Сенусерт III (XII дин.) были ревностными почитателями Монта и усиленно расширяли его храм в Ермонте. Постройки Ермонта были в Птолемеевскую эпоху разобраны, и прекрасные каменные блоки (главным образом из известняка) использованы в качестве строительного материала при сооружении нового храма. Экспедиция обнаружила целый ряд таких блоков, перенесенных на новое место⁴. Покрывающие их рельефы стоят вполне на уровне лучших произведений египетского искусства Среднего царства. Особенно поражают тщательностью выполнения, грацией и строгостью фигур изображения и сопровождающие их надписи XI дин. Каждый иероглиф представляет собой высокохудожественный рисунок, связанный единством стиля со специальной, которую он поясняет.

¹ Temples of Armant, I. p. 66—73.

² *ib.*, I, p. 157.

³ *ib.*, p. 2.

⁴ *ib.*, I, p. 166.

При XII дин. в художественном творчестве наблюдаются некоторые перемены. Меньше внимания уделяется детализации фигур, но зато рельефы становятся глубже, и появляется стремление к трехмерности¹.

Сюжеты всей этой серии изображений не отличаются разнообразием. Обычно изображается царь, являющийся перед лицом бога или богини. В сопровождающих надписях божество наделяет царя жизнью, благоденствием и властью. Чаще всего изображаются местные божества—Монт в виде человека с головой сокола, украшенной солнечным диском и двумя высокими перьями, и две его спутницы Тененит и Иунит. Образы этих богинь интересны не только для истории религии, но и для выяснения политических связей той эпохи. Обе они тесно связаны с Мемфисом. Тененит, как показывает ее имя, является двойником соответствующего мужского хтонического божества Танена, почитавшегося в Мемфисе, где он отождествлялся с Птахом. Иунит, хотя ее имя намекает на местный культ (оно происходит от египетского названия Ермонта Иуну), также ставится в связь с Мемфисом. Ей присваивается эпитет «владычица Анх-тауи» (местности, расположенной по соседству с Мемфисом, у нынешней Саккара)².

Отмечая эти факты, М. С. Драуэр, перу которой принадлежит глава XIII, посвященная надписям, приходит к выводу, что между Мемфисом и Ермонтом уже в ранние времена существовала связь, которая еще ждет религиозно-исторического объяснения³.

Надо, однако, отметить, что данная проблема гораздо шире, и ее нельзя ограничивать только сферой религии. Богословские концепции отражают, в известной степени, борьбу, происходившую в реальной жизни. И не случайно местные ермонтские жрецы избегают изображать в своих храмах бога-покровителя расположенной по соседству столицы—Амона. Само имя верховного бога упоминается редко, и притом лишь в теофорных именах или титулатуре фараона⁴. Совершенно отсутствуют изображения и упоминания Мут и Хонсу. И в то же время охотно изображаются Гор (напр. таб. XCIX, 1—2, рядом с Монтом и в таком же облике, но без диска и перьев), Нехебт и другие божества.

Ясно, что ермонтские жрецы стремятся сохранить свою независимость от фиванского жречества и предпочитают устанавливать связь с прежней столицей Мемфисом и с другими городами, но не с Фивами. И фараоны, украшающие Ермонт, считаются с этими партикуляристическими тенденциями и даже признают Монта попрежнему владыкой Фив, хотя там уже восторжествовал культ Амона.

Потрясения, испытанные Египтом в конце Среднего царства—восстание бедняков и рабов и последующее нашествие гиксосов должны были отразиться и на судьбе Ермонта. В новой обстановке приходилось думать уже не о сооружении храмов, а об обороне. К этому времени, вероятно, относятся остатки кирпичных стен, обнаруженные экспедицией (впрочем, они могли быть сооружены еще в первый междоусобный период)⁵.

От эпохи гиксосов дошел только один предмет—скарабей, украшенный бессмысленным набором иероглифов⁶.

Зато с наступлением эпохи Нового царства в Ермонте вновь начинается усиленное строительство. Уже от основателя XVIII дин. Яхмоса I дошел блок, на котором вырезано тронное имя царя, заключенное в картуш, но особенно широко развываются строительные работы при Хатшепсут и Тутмосе III. От них дошли тайники, устроенные

¹ Ibid., I, p. 22.

² ib., I, p. 159, 167.

³ ib., p. 159.

⁴ ib., p. 172. Ср. II, Plates (pl. LXXXVIII). Сенусерт I (по ошибке названный в подписи под иллюстрацией Сенусертом III) носит эпитет «возлюбленный Амона—Ра», ср. упоминание Амона в надписи на стеле Тутмоса III, о которой будет речь ниже, и на статуе визиря XIX или XX дин. (р. 189).

⁵ Temples of Armant, I, p. 2.

⁶ ib., p. 16—17.

при закладке новых храмовых зданий. В одном из них был зарыт скелет перепелки, положенный во время какого-то магического обряда, и модели алебастровых сосудов, помеченных именем царицы, в другом—наряду с бусами и алебастровыми сосудами—множество бронзовых моделей орудий (пилы, топоры, ломы, кирки, клинья и пр.). На некоторых из них можно прочесть надпись «добрый бог Менхеперра» (т. е. Тутмос III), возлюбленный Монтом, господином Ермонта»¹.

При Тутмосе III, по всем данным, был сооружен грандиозный пилон, украшавший вход в храм. На западном крыле его была укреплена стела из красного гранита, позднее упавшая вниз и оставшаяся лежать у подножия пилона, пока ее не обнаружила лопата археолога². Надпись на этой стеле сохранилась почти полностью. Она содержит восхваление деяний Тутмоса III, как воителя и охотника. Среди охотничьих подвигов Тутмоса III упоминается доставка живого носорога из Нубии. Для обозначения этого зверя употребляется совершенно не известное до сих пор слово *š'kb*, возможно заимствованное из нубийского языка³. Вероятно, к этому моменту из охотничьей практики Тутмоса III относится интересное изображение на северной стороне восточного крыла пилона. Здесь мы видим длинную процессию нубийцев и нубиек (с детьми на плечах), пригоняющих быков и несущих всевозможные дары (страусовые перья, страусовые яйца, слитки какого-то металла, живого леопарда и пр.). Бросаются в глаза плясуны и барабанщики, участвующие в процессии и, наконец, отчетливо вырисовывается фигура носорога. Египетский художник с большим реализмом изобразил его голову с двойным рогом, могучее туловище и характерные складки кожи на шее. Только ноги оказались неестественно стилизованы.

Рядом вырезана надпись, сообщающая результаты обмера зверя. Это, пожалуй, первый в истории зоологии случай точного измерения диких зверей. Дана высота его ноги, окружность следа, длина брюха и т. д. в локтях и пядях⁴.

Под рельефом был обнаружен заделанный в стену локоть, которым пользовался художник. Точная длина его 52,86 см. Правая половина его подразделена на три пяди (8,81 см+8,58 см+8,78 см), а последняя пядь на четыре пальца, следовательно, перед нами дуодецимальный локоть. Он несколько короче обычного в Египте локтя (53,20 см)⁵.

Активная роль Тутмоса III в строительстве Ермонтского храма не подлежит сомнению. Кроме пилона он оборудовал передний двор с колоннами и поставил у входа двух сфинксов из песчаника, обрамлявших с двух сторон дорогу процессий, ведущую к храму⁶. В большом количестве на территории раскопок были найдены блоки от разрушенных сооружений фараона-завоевателя.

Не пренебрегал Ермонтом и фараон-реформатор Эхнатон. Он построил здесь храм «Горизонт Атона в Ермонте», упомянутый в одной Карнакской надписи. Это здание было позднее разрушено, и жалкими остатками его являются два блока с картушами Эхнатона. Один из них был использован позднее в качестве ступеньки в частном доме, а другой—при постройке Бухеума (храма бога-быка)⁷.

Другим показателем деятельности царя-реформатора в Ермонте являются старинные надписи с выскобленным по его приказанию именем Амона⁸.

Об интересе к Ермонту второго преемника Эхнатона—известного Тутанхамона, свидетельствует перстень последнего с надписью «правитель Ермонта»⁹.

¹ Temples of Armant, ib., p. 137, 187.

² ib., p. 15, перевод на стр. 182—183.

³ В эпоху древнего царства бытовало другое слово 'rb', детерминированное изображением носорога и знаком воды (три волнистых линии).

⁴ ib., I, p. 159—160. Ср. п. 26—28.

⁵ ib., p. 26.

⁶ ib I, p. 15. Ср. p. 187.

⁷ ib., p. 2—3. Ср. p. 175

⁸ ib., p. 168.

⁹ ib., p. 3.

Из фараонов XIX дин. больше всех оказывал внимание Ермонтскому храму Рамсес II. Даже в поэме, воспевающей битву при Кадеше, заявляется, что крик фараона, сражающегося с хеттами, доходит до Ермонта¹.

У входа пилона вырезано несколько строк, сообщающих о праздновании юбилеев Рамсеса II. Упомянуты юбилеи 54, 57 и 60 годов правления фараона, а фрагмент надписи, находившейся на противоположной стене, прибавляет еще 51, 63 и 66 год. 51 год оказался почему-то не на месте.

Под отчетом о юбилее 54, 57 и 60 годов приписаны еще три строчки более крупными иероглифами (строки 4—6). Четвертая и пятая строки представляют собой явный палимпсест. От первоначального текста, тщательно выскобленного, сохранились лишь отдельные слова (mrj—возлюбленный, n b. tj—обе владычицы). Взамен его была помещена новая надпись, причем иероглифы были выкрашены в голубой цвет. Хотя эта надпись сильно попорчена, но по сохранившимся остаткам ясно, что она представляла собой титулатуру фараона, от которого сохранилось лишь тронное имя Усермаара-Мери-Амон. Часть этой надписи позднее была замазана, и поверх ее начертан в каждой строчке картуш Мернепты (на этот раз желтой краской).

Драуэр предполагает, что первый (самый ранний текст) написан при Рамсесе II, а последний (картуши) при Мернепте I (сыне Рамсеса II)², но не объясняет, кто был загадочный Усермаара-Мери-Амон, по приказу которого была выскоблена надпись Рамсеса II. Мне кажется, что возможны два способа разрешения этой исторической загадки. Или мы должны предположить, что в момент смерти Рамсеса II в Ермонте появился какой-то узурпатор, принявший тронное имя Усермаара-Мери-Амон и успевший увековечить его на стене пилона, или отождествить автора второй надписи с фараоном XX династии Рамсесом IV (по прежней нумерации III), носившем такое же самое имя. Но тогда Мернепту третьей, самой поздней надписи нельзя будет отождествлять ни с Мернептой, сыном Рамсеса II, ни даже с Мернептой Сиптой и придется предположить, что какой-либо претендент времени XX дин. принял имя Мернепты и в дни своего кратковременного царствования начертал его поверх замазанного текста предшественника. Во всяком случае ясно, что Ермонт и его храм были ареной борьбы за престол в смутные времена конца XIX и XX династий.

Из памятников Нового царства следует еще отметить серию прекрасных, расписанных в несколько цветов статуй Осириса из песчаника, которые, правда, восходят еще к XI династии, но были, судя по надписи на одной из них, реставрированы при Мернепте³.

Наконец, необходимо обратить внимание на фрагмент совершенно исключительного по смелости замысла и экспрессии рельефного изображения на блоке Нового царства, попавшем позднее в строение Птолемеевой эпохи. На этом рельефе мы видим группу пленников, которых фараон сгреб за волосы. Художник тщательно отмечает антропологические черты каждого лица, так что можно различить обитателей Нижней Нубии и негроидов. Небывалым для египетского искусства новшеством является идеально правильное изображение en face трех пленников в центре группы.

Если от эпохи Нового царства дошло много разнообразных и часто ценных памятников, то этого нельзя сказать о последующих периодах, от которых дошло лишь несколько предметов.

Мы можем только догадываться о потрясениях, которые испытал Ермонт во время ассирийского и персидских нашествий. Вероятно, к одному из них относится поломка ряда статуй, фрагменты которых были позднее тщательно собраны и сложены в специальный тайник⁴.

При Птолемеях происходит коренная перестройка Ермонтского храма. Старые строения беспощадно разрушаются, и даже многие плиты с высокохудожественными

¹ ib., p. 13.

² ib., I, p. 165.

³ ib., I, p. 50.

⁴ ib., p. 16.

изображениями используются в качестве строительного материала. Любопытно отметить, что в вымостку Птолемеевского храма был опущен даже гранитный блок, покрытый золотыми пластинками, вероятно, часть «золотых ворот Монта»¹.

В Птолемеевском храме почитался, в первую очередь, поселенный здесь священный бык (Бухис)². Но продолжали почитаться и другие божества, о чем можно судить по рельефам на птолемеевских блоках. Судя по ним, особенно проявили тенденцию к сближению с ермонтским жречеством Птолемей VI Филометер и Птолемей X Сотер. Они изображаются приносящими дар Монту, богине Тененит-Иунит (теперь происходит окончательное слияние обеих богинь в единое божество, которое намечалось еще прежде), Гармахису, Хатор и др.

Последним сооружением птолемеевской эпохи было Маммизи («комната рождения») Клеопатры, сооруженное с целью ознаменовать рождение Цезариона³.

После превращения Египта в римскую провинцию значение Ермонта не только не уменьшается, но даже возрастает, в связи с запустением соседних Фив, сильно пострадавших от землетрясения 27 г. до н. э. Строительная деятельность в Ермонте усиленно продолжается и на территории храма и в других частях города. В позднейшей коптской церкви сохранились колонны из красного гранита, украшавшие когда-то площадь римской эпохи. Остались также кое-какие следы римских терм. Продолжалась и перестройка храма. Разбирались здания птолемеевского времени и взамен воздвигались новые. Так, под могилами нового мусульманского кладбища обнаружены ворота римского храма. Другие ворота были воздвигнуты поблизости от храма (в нын. Руб-эл-Маганин) по приказанию Антонина Пия. Они украшены рельефами, изображающими этого императора приносящим жертвы многочисленным египетским божествам (Монту, Тоту, Гору, Хатор и др.)⁴.

В конце III в. н. э. Ермонт, наряду с другими городами Верхнего Египта, испытал нашествие блемиев, вещественным свидетельством которого являются образцы блемийской керамики, найденные при раскопках. К этому времени относится римская стена, сооруженная частью из кирпича, частью из каменных блоков Птолемеевского храма. Разрушенного с целью добыть строительный материал. Возможно, что это было делом Диоклетиана, укреплявшего южную границу Римской империи. Но не исключена и возможность, что стена строилась по приказу блемиев, в период их кратковременного господства⁵.

Торжество христианства привело к большим переменам в Ермонте. Передний двор языческого храма был застроен жилыми помещениями, вплотную примыкавшими к пилоу. Этот новый городской квартал, датируемый концом IV в. (в V в. он уже опустел) был разделен на две части главной улицей. Скученные, без всякой системы, маленькие домики были сооружены главным образом из кирпича-сырца (изготовленного из нильского ила). В меньшей степени использовался обожженный кирпич. Большинство жилищ представляет собой однокомнатные помещения (реже двухкомнатные). В одном домике обнаружен вделанный в стену шкаф, в котором находился железный нож и остатки пищи (кости свиньи, рыбы кости). Около другого дома обнаружена выгребная яма. Из других находок, характеризующих бытовые условия обитателей, следует отметить небольшую ванночку для мытья ног у наружной двери помещения Н. Т. 9, наглядно свидетельствующую о том, что в христианском городе сохранился старинный египетский обычай.

Экспедиция собрала довольно большое количество монет греческих (диоболы, драхмы и тетрадрахмы) и римских (сестерции, аврелианы, follis), правда, главным обра-

¹ Temples of Armant, I, p. 12.

² ib., p. 4.

³ ib., p. 177—179.

⁴ ib., I, p. 181.

⁵ ib., p. 10.

вом, в результате случайных находок и покупки. В этой коллекции имеются монеты почти всех императоров от Августа до Коммоды. От императоров III в. (за исключением Кара и Диоклетиана) монет не дошло, что, вероятно, служит лишним свидетельством глубины финансового кризиса этой эпохи. Зато сохранились монеты последних римских императоров и нескольких византийских (вплоть до Ираклия).

Экспедицией, работавшей в Арманте, не было сделано каких-либо ярких и сенсационных открытий, но собранный материал знакомит с судьбами одного из значительных египетских городов на протяжении ряда тысячелетий. Пока еще ряд пробелов мешает создать цельную и подробную картину его развития, но отдельные этапы обрисовываются довольно четко.

Д. Г. Редер

Обзор полевых археологических исследований ИИМК в 1947 г.

В послевоенные годы непрерывно растет размах археологических исследований на территории нашей Родины, обогащающих историческую науку новыми ценными материалами. Исключительно плодотворным для советских археологов был 1947 год, когда вся страна праздновала 30-летие Советской власти. Настоящий обзор составлен на основании предварительных отчетов, представленных начальниками экспедиций и отрядов ИИМК.

Деснинская экспедиция (руководитель М. В. Воеводский) произвела раскопки на Авдеевской палеолитической стоянке (около г. Курска). Обнаружены большие скопления костей мамонта и других животных. Несколько групп костей стояло вертикально. Они, вероятно, являются остатками конструкции жилища. Собрано несколько тысяч кремневых поделок и несколько костяных предметов с орнаментом. Стоянка относится ко времени классического солютре Восточной Европы и является аналогом 1-й Костенковской стадии. На Очкинской неолитической стоянке наибольший интерес представляет находка в одном комплексе с типичным Деснинским неолитом нескольких шаровидных лощеных сосудов со шнуровым орнаментом. Раскопки стоянки «Песочный ров» выявили совершенно своеобразную мезолитическую культуру, не имеющую пока аналогий. На городище «Песочный ров» были исследованы остатки столбового дома.

Кроме раскопок, экспедицией были обследованы 6 городищ, несколько селищ и 8 неолитических стоянок по течению Десны и Сейма.

Бурят-Монгольская экспедиция (руководитель А. П. Окладников) изучала главным образом многочисленные наскальные изображения различных эпох (от палеолита и почти до прихода русских на Лену) в долине р. Лены вблизи д. Шипкино. Рисунки выполнены красной краской, резные и затертые. Особенно замечательно палеолитическое изображение дикого быка-бизона и еще один рисунок дикой лошади.

Интересны крупные реалистические фигуры лосей, не уступающие лучшим скандинавским изображениям оленей эпохи мезолита, и оригинальные антропоморфные фигуры, которые следует датировать концом неолита или эпохой бронзы.

А. П. Окладников руководил также одним из отрядов Туркменской экспедиции, обследовавшим районы Красноводска, Джебела и Небит-Дага. В двух пунктах найдены раннемустьерские или, может быть, даже ашельские изделия, в Каскыр-Булаке обнаружены типично мустьерские изделия, исследовано местонахождение авильского